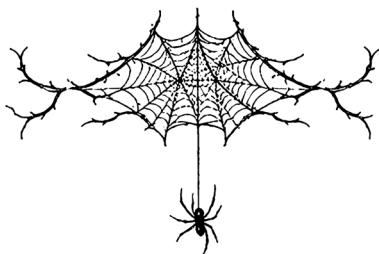

СЕНИЯ МУР

Ноктюрн *для* призрака

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М91

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© FonDesign, Yevheniia Lytvynovych / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Редактор серии *София Захарова*

Оформление серии *Михаила Шевченко*

Иллюстрация на переплете *Таисии Шарабьевой*

Мур, Сения.

М91 Ноктюрн для призрака / Сения Мур. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-244984-0

Виолетта, талантливая пианистка, получает неожиданное наследство — старинное поместье Эвермур, расположенное на отдалённом острове. Поместье имеет мрачную репутацию: в нём обитает призрак жестокого герцога Эвермура, который по слухам убил свою жену. Виолетта решает переехать в Эвермур, надеясь обрести покой и вдохновение. Однако, прибыв на остров, она сразу же ощущает чужое присутствие. Таинственные шорохи, холодные потоки воздуха, необъяснимые видения — всё говорит о том, что она здесь не одна. А её музыка — единственный ключ к смертельной тайне, которая должна пролить свет на события прошлого. Кто же убил жену герцога? И почему местные жители перестали находить покой в обществе молодого пастора?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мур С., 2026

© Оформление.

ISBN 978-5-04-244984-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Для всех, кто верит в неслучайность встреч,
кто чувствует связь душ и кто знает, что рядом
всегда струится невидимая нить, дарующая силу*

ПРОЛОГ

Я стояла перед заброшенным зданием. Холодный ветер пронизывал до костей, словно пытался прорваться сквозь слои одежды. По коже пробежали мурашки, вынуждая плотнее закутаться в пальто. Я принюхалась: ветер нёс с собой не только запахи прелой листвы и сырой земли, но и какой-то странный, едва уловимый аромат ладана и... гнили.

Особняк Эвермур возвышался передо мной. Если бы мне кто-то сказал, что он мрачноват, я бы истерически захохотала. Мне хватило одного взгляда, чтобы захотеть унести отсюда ноги, бежать не оглядываясь. Казалось, будто сама природа отвернулась от него, оставив голые ветви деревьев царапать своими когтями и без того потрескавшиеся стены. Камень, из которого он был построен, почернел от времени и сырости, местами порос мхом и лишайником.

Высокие стрельчатые окна казались живыми, глядящими на меня с укором и предостережением. Они были местами заколочены досками, которые не давали заглянуть внутрь, а в тех, где виднелись стёкла, отражалось лишь мутное небо. Наверное, когда-то сквозь эти окна проникал солнечный свет, озаряя балы и званные вечера. Теперь же в них поселилась лишь вечная тьма.

Кованые ворота, ведущие на территорию поместья, покосились и заржавели. Было видно, что когда-то они были украшены сложным орнаментом, но сейчас от него остались лишь обломки, переплетённые с диким виноградом. Лоза, словно змея, обвивала решётку, пытаясь задушить её в своих объятиях.

Над входной дверью, полускрытой в тени высокого крыльца, виднелась выщербленная каменная табличка с гербом семьи Эвермур. На ней был изображён ворон, сидящий на черепе. Жуткое зрелище. Не удивлюсь, если герцог, живший здесь прежде, был проклят задолго до убийства своей супруги. Я поморщилась и отвернулась. Мне почудилось, будто ворон смотрит прямо на меня, словно знает, что я здесь чужая, что я потревожила его вечный сон.

Как же моя жизнь пришла к этому?

В груди свинцом разливалась тоска. А ведь всего несколько дней назад всё было иначе.

Обычный субботний вечер. Я сидела за своим любимым пианино в главном зале. Сколько мелодий было сыграно моими пальцами на этих клавишах — не счесть.

Музыка — моя жизнь, мой воздух.

С детства я слышала от семьи, что наделена талантом. Возможно, это прозвучит самодовольно, но это знание всегда жило внутри. Когда я была младше, то мечтала профессионально выступать на большой сцене и собирать толпы восторженных слушателей, но, к ве-

НОКТЮРН ДЛЯ ПРИЗРАКА

ликому сожалению, я родилась женщиной. А женщина-музыкант в наше время — почти позор. Играть дома? Пожалуйста. Играть в салоне во время приёма гостей? Разумеется. Но быть музыкантом — нет.

Пальцы аккуратно и нежно нажали на клавиши.

Первые аккорды ноктюрна № 2 Фридерика Шопена полились по комнате, словно шёпот ветра в ночном саду. Закрыв глаза, я позволила музыке унести меня в мир грёз и печали.

Каждый звук был вздохом моей души, каждая нота — каплей тоски по несбыточному.

Пальцы легко скользили по клавишам из слоновой кости, переплетаясь в сложной мелодии.

Шопен понимал женскую душу, как никто другой. Его музыка была признанием в чувствах, которые я никогда не смогла бы выразить словами.

Я ощущала, как горечь обиды и смирение переплетаются в сердце. Быть женщиной — значит быть лишённой возможности полностью раскрыть свой талант, жить в тени мужского мира. Но музыка — единственная свобода. В ней можно быть какой угодно: страстной, сильной, нежной, любящей... Мелодия лилась, захватывая своей красотой и печалью. Мне почудилось, будто маменька и папенька замерли, слушая. Наверное, даже они в глубине души понимали, что это не просто развлечение, а самый настоящий крик души.

Дыхание перехватило, а взгляд ещё несколько долгих минут, словно приклеенный, изучал собственные пальцы. Сегодня я дала слабину, поддалась буре эмоций. И всё из-за чего?

Несколько дней назад мой жених, чёртов Томас Воклер, изрёк: «Музыка — занятие для мужчин, как, впрочем, и всё остальное. Твоё дело быть красивой. Не понимаю, для чего так из кожи вон лезть».

До сих пор помню его сальную ухмылку и похотливый взгляд, скользнувший по груди, едва прикрытой декольте. Как же я жалела, что не могла вlepить ему пощёчину прямо на балу. Эти правила, заставляющие быть милой куколкой, выводили меня из себя. От одной только мысли, что в моей жизни всё так и останется, зубы сводило.

Маменька аккуратно подала голос, вырвав из бури мыслей. Она всегда умела деликатно выводить меня из водоворота мыслей, в который так легко было погрузиться. А находиться в своей голове я любила часто.

— Ветта, ты уверена, что справишься без нас?

Я перевела взгляд — мои зелёные глаза встретились с абсолютно такими же. Смоляные, безупречно уложенные волосы обрамляли лицо матери с тонкими, аристократическими чертами. Кожа, бледная, как лунный свет, делала её похожей на девушку с полотна старинного мастера.

Её красота всегда вызывала восхищение.

Нахмутив тонкие брови, я попыталась уловить, о чём речь. В голове царил хаос, но постепенно я вспомнила. Завтра утром они с отцом отбывают на остров Дальри.

— Кстати, а где именно находится этот Дальри? — спросила я, запоздало понимая, что до сих пор не интересовалась этим.

Матушка едва заметно пожала плечами, поправляя кружевной воротник:

— Где-то в северных водах, милая. Какой-то клочок земли, доставшийся в наследство твоему отцу от дальнего родственника. Честно говоря, я и сама толком не знаю. Папенька не любит об этом говорить.

Ответ показался мне смутным, но я не стала настаивать. Мысли вновь возвращались к Томасу и моей проклятой участи.

— Да, справлюсь. Что со мной может случиться?

Я еле сдержала порыв закатить глаза. Мне уже двадцать, через пару месяцев я стану женой этого ублюдка Томаса, а родители всё ещё относятся ко мне как к ребёнку. С тихим скрипом я отодвинула банкетку.

Отец сидел с непроницаемым лицом, уткнувшись в газету. Словно он не делал этого на протяжении всего дня. Иногда мне казалось, что он просто хотел выглядеть серьёзным и занятым, чтобы матушкашний раз его не дёргала.

Шустро приблизившись к родителям, я обняла их, невесомо коснувшись щекой сначала матери, а затем и отца. Папенька оторвал свой холодный взгляд от газетных строк, и в его глазах мелькнуло тепло. Он погладил меня по плечу.

— Мы уедем в четыре утра. Пожалуйста, не нарушай свой режим и не провожай нас. Напишем письмо, как только доберёмся до острова.

Кивнула — непослушная прядь чёрных волос упала на глаза, и я небрежно смахнула её.

— Хорошо. Будьте осторожны в пути.

Вечер тянулся медленно, словно патока. Пришлось бродить вдоль высоких окон, за которыми простирался ухоженный сад, уже тронутый осенней позолотой. Луна, полная и яркая, заливала пространство мягким, прозрачным светом.

Родители ещё не уехали, а в груди уже поселилась дикая тоска.

Взгляд зацепился за таракана, ползущего по подоконнику — мерзкого и жалкого. Мысли вновь вернулись к Томасу. Неужели придётся предать мечту о музыке ради его богатства и положения в обществе? К горлу подкатил ком тошноты. Даже ещё не став его женой, я уже чувствовала себя птицей, посаженной в золотую клетку. Красиво, удобно, но свободы нет.

Чувствуя досаду, я поднялась в свои покои. Дверь открылась, и меня захлестнула тоска. Скоро мне предстояло покинуть это место.

Взгляд скользнул по родным покоям. Первым делом — по высоким потолкам, украшенным лепниной, знакомой с детства. Затем перешёл на стены, обитые гобеленами с изображением сцен охоты — немного старомодно, но любовь к ней привил отец. Каждую осень приходилось хвостиком увязываться за ним и его коллегами, чтобы пострелять. Приятные воспоминания, хоть маменька и не одобряла, твердя, что нужно изучать вышивку на занятиях с мадам Ривер, а не бегать по лесу с окровавленной тушкой зайца. Я всегда была странным ребёнком.

Окна, высокие и узкие, были затянуты плотными бархатными шторами цвета бургундского вина. Ото-

двинув одну из них, впустила внутрь робкий свет луны. Сад за окном утонул в осенних красках, его увядающая красота успокаивала и навевала лёгкую грусть.

Почему-то хандра в последнее время стала частой гостьей.

В центре комнаты возвышалась огромная кровать с балдахинном, завешенным кружевным пологом. Казалось, что она помнит не одну сотню снов. Прикосновение к тяжёлому бархатному покрывалу оказалось мягким и тёплым. Вздрыгнула, когда в голове возникла картинка: я в постели с этим отбросом Томасом.

Поморщилась. Так скоро и морщины появятся.

Рядом с кроватью стоял изящный туалетный столик с зеркалом в позолоченной раме. На нём — серебряный набор для умывания и флакон с моими любимыми духами, цветочно-цитрусовыми. Маленькая, но приятная деталь. Эти духи привёз отец из одной из своих командировок. В памяти всплыло, как подружки на балу завидовали, когда я с гордостью рассказывала о папиной покупке. В углу комнаты стоял письменный стол из тёмного дерева. На его массивной поверхности покоились чернильница, перо и стопка помятой бумаги, исчерканной безуспешными попытками нотного творчества.

В последнее время меня съедало мучительное недовольство собственной творческой бесплодностью. Слишком часто, слишком старательно я воспроизводила чужие мелодии, а на что-то своё, оригинальное теперь не хватало сил. Комната, несмотря на старо-

модную обстановку, дышала уютом и спокойствием. Каждый предмет здесь был пропитан воспоминаниями, согревающими моё сердце.

Я позвала Гарриетт, мою верную служанку, что жила в нашем доме столько, сколько себя помню. Она помогла мне освободиться от тесного корсета и расплела сложную причёску. Я облегчённо выдохнула, когда тёмные пряди рассыпались по плечам. Ненавидела эти чопорные пучки, зафиксированные безжалостными шпильками. Казалось, их втыкают не в волосы, а прямо в череп.

Помассировав онемевшую голову, я пожелала служанке спокойной ночи и опустилась на мягкую перину.

Завтра новый день. С этой мыслью я закрыла глаза, отдаваясь во власть сна.

На следующее утро дом замер в непривычной тишине. Без привычных утренних распоряжений маменьки и громкого чтения газеты папенькой за завтраком обеденный зал казался огромным и пустым. Обычно звонкий смех и оживлённые беседы наполняли это пространство, а сегодня лишь тихий стук моих столовых приборов нарушал звенящую тишину. Я едва прикоснулась к еде, аппетита не было совсем. Чувство одиночества поселилось где-то глубоко внутри, скребя когтями по душе.

Веду себя как маленькая.

После завтрака решила развеяться и отправиться в салон к мадам Элоиз — лучшей портнихе города. Мысль о новом платье хоть и немного, но отвлекла от мрачных мыслей.

Выйдя из обеденного зала, направилась к лестнице.

— Гарриетт! — позвала я горничную.

Она появилась почти мгновенно, словно ждала моего зова.

— Да, госпожа? — проговорила она, потупив взгляд.

— Приготовь мою карету. И передай кучеру, чтобы ехал к мадам Элоиз.

— Будет исполнено. — Гарриетт поклонилась и быстро ретировалась.

Вернулась в свою комнату, чтобы привести себя в порядок. В зеркале отразились бледное лицо и потухший взгляд.

Думаю, мне нужен отдых от самой себя.

Через несколько минут карета была готова. Лакей открыл дверцу, и я села внутрь. Карета тронулась с уже привычным скрипом колёс и цоканьем копыт, это стало единственным звуком, сопровождавшим меня в этой немой поездке.

Я смотрела в окно, но ничего не видела. Дома, деревья, прохожие — всё сливалось в одно серое пятно.

Поездка показалась бесконечной. Наконец карета остановилась перед ателье. Выйдя, я глубоко вдохнула свежий воздух и постаралась улыбнуться. Сегодня мне нужно новое платье. Как говорила моя тётушка Джози «новый наряд — новая жизнь».

Посмотрим, что ты предложишь мне сегодня, Элоиз.

Войдя в ателье, я сразу ощутила себя в другом мире. Здесь было царство ярких красок, шелеста шёлка и лёгкого аромата духов. Мадам Элоиз, как всегда, встретила меня с распростёртыми объятиями и лучезарной улыбкой.

— Дорогая моя, как я рада вас видеть! — воскликнула она, целуя меня в обе щеки. — Что привело ко мне сегодня? Надеюсь, что-то радостное?

Я постаралась сохранить улыбку. Из радостного у меня сейчас было разве что наличие последних нервных клеток.

— Хочу новое платье, Элоиз. Что-нибудь яркое, запоминающееся. Что-то, что заставит меня почувствовать себя... по-другому.

Мадам Элоиз внимательно посмотрела на меня, словно читала мои мысли. Она всегда умела видеть сквозь маски. Мне стало неуютно: не люблю, когда меня читают как раскрытую книгу.

— Я понимаю, дорогая моя, — проговорила она тихо. — Тогда я знаю, что вам нужно.

Она повела меня вглубь ателье, где на манекенах красовались самые невероятные наряды. Мой взгляд остановился на платье из ярко-синего шёлка, расшитом серебряными нитями. Оно словно искрилось в лучах солнца, проникавших сквозь большие окна.

— Вот оно! — воскликнула я, не в силах сдержать восторг. — Это именно то, что мне нужно.

Заворожённая, я не могла отвести взгляд от платья — оно было именно тем, что надо! Мгновенно до-

стала кошелёк, и шелест купюр отбросил тень грусти на задворки сознания. Всё же верно говорит моя тётушка.

У Элоиз были мои мерки, она сказала, что платье будет готово через пару дней.

Выпорхнув на улицу с переполняющим меня чувством восторга, я поддалась искушению прогуляться по осенним улицам. День выдался на редкость дивным.

Улицы Далиана дышали осенью. Клёны, высаженные вдоль тротуаров, пылали всеми оттенками багряного и золотого, сбрасывая свои листья на мощённую брусчаткой дорогу. Ветер, проносясь по узким улочкам, поднимал в воздух вихрь, создавая живописные миниатюры, которые тут же рассыпались, подчиняясь следующему порыву.

Дома выстроились в аккуратный ряд. Их кирпичные фасады украшали резные балконы, увитые плющом, уже тронутым осенней позолотой. В окнах мерцали огоньки, намекая на уют и тепло, царящие за стенами. Чугунные фонари отбрасывали причудливые тени на тротуары.

В воздухе витал пряный аромат опавших листьев, смешанный с запахом свежеиспечённого хлеба из ближайшей булочной. Звуки города были приглушены: цокот копыт лошади, везущей экипаж, тихий разговор прохожих, звон велосипедного звонка. Всё это создавало неповторимую симфонию тихой, размеренной жизни.

Проходя мимо цветочной лавки, я невольно замедлила шаг. Яркие хризантемы, астры и георгины, словно последние всполохи лета, притягивали взгляд. Владелица лавки, миловидная женщина в фартуке,